Китайский Бонапарт, или жизненные вехи Чан Кайши

Владилен Воронцов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В октябре Китайская Народная Республика отметит свое 40-летие. Этот период истории страны относительно хорошо известен советским людям. Меньше знаем мы о предшествовавшем периоде и особенно о человеке, имя которого было у всех на слуху и который доминировал в политической жизни Китая почти четверть века до провозглашения КНР.

Владилен ВОРОНЦОВ, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»

- Владилен ВОРОНЦОВ
  -
  - ПРЕТЕНДЕНТ
  - СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО
  - ИДЕОЛОГ
  - ХОЛОДНЫЙ И ЖЕСТОКИЙ ЧЕЛОВЕК
  - КРАХ

Владилен ВОРОНЦОВ
Китайский Бонапарт, или жизненные вехи Чан Кайши

В октябре Китайская Народная Республика отметит свое 40-летие. Этот период истории страны относительно хорошо известен советским людям. Меньше знаем мы о предшествовавшем периоде и особенно о человеке, имя которого было у всех на слуху и который доминировал в политической жизни Китая почти четверть века до провозглашения КНР.

ПРЕТЕНДЕНТ

Лидер партии Гоминьдан[Гоминьдан (Национальная партия) — политическая партия в Китае, созданная в 1912 г. До 1927 г. играла прогрессивную роль. Книга В. Воронцова о «китайском Бонапарте» вскоре выходит в Политиздате.] , восставшей против маньчжурского ига, Сунь Ятсен ушел из жизни 13 марта 1925 года. Наследство Сунь Ятсена оказалось в центре острых политических и идеологических столкновений.

Среди наследников Сунь Ятсена был и Чан Кайши (Цзян Цзеши) — выходец из благополучной провинции Чжэц-зян и благополучнейшей для Китая среды: отец его был преуспевающим торговцем. К середине 20-х годов за его плечами учеба, сначала в родной провинции, затем и в военной школе в Японии.

В Японии молодого Чан Кайши поражало, казалось, все. Он с восторгом наблюдал, как японские военнослужащие безропотно, словно бессловесные механизмы, исполняли приказы командиров. Солдат-фанатик, готовый в любую минуту пожертвовать своей жизнью во имя императора («свершить возложенную на него историческую миссию»), становился примером для подражания не только в среде японской учащейся молодежи, но и обучавшихся в Японии иностранцев. С затаенной завистью посматривал Чан Кайши на японских офицеров и генералов, с гордостью восседавших на почетных местах во время различных воинских празднеств, когда воздавалась хвала победам японского оружия.

Весной 1911 года— это был год начала Синьхайской революции, сокрушившей иго маньчжурской Цинской династии, но одновременно вызвавшей политическое дробление республики на районы, оказавшиеся под контролем военных клик, — Чан Кайши прибыл из Японии в Шанхай. Город бурлил: здесь расцветала подпольная деятельность— как деловая, так и политическая. Шанхайский делец Чэнь Цзимэй, опекавший молодого Чан Кайши, учредил тайное общество содействия революции в провинциях Цзянсу и Чжэ-цзян. В рядах противников маньчжурской династии действовало множество предателей и провокаторов, и их жертвой чуть было не стал наставник Чан Кайши. Чэню удалось ускользнуть, но его друзья были схвачены. Чан Кайши счел за лучшее спокойно вернуться в Японию. Второе расставание с родиной оказалось не таким уж длительным. Вскоре вести о восстании в Учани — в самом центре Китая — достигли Чэня, и он сразу же отправил телеграмму своему ученику в Японию. Чан Кайши в ту пору было 25 лет.

Впоследствии, обращаясь к прошлому, Чан так писал о первых шагах своей карьеры: «Я чувствовал, что пришло время для нас, военных людей, послужить на благо отечества. Я поэтому немедленно возвратился в Китай для участия в революции. Это было действительно начало моей революционной карьеры».

Чан Кайши готовил себя и к военной учебе в Германии. Он изучает немецкий язык, занимается и издательской деятельностью. В журнале «Голос Армии» пытается обсуждать международно-политические и военные проблемы Китая, вопросы границ и т. д. Начинающий автор рассуждает о будущей «республике мира», где все расы будут жить в гармонии и достатке. Войны уйдут в прошлое, необходимость в армии отпадет, и только полиция будет лишь наблюдать за порядком. Но пока он размышляет о китайской армии. Какой она должна быть? Он призывает довести численность армии до 600 000. Увеличить расходы на военные нужды, основное внимание сконцентрировать на сухопутных войсках. Вся военная власть, подчеркивал Чан Кайши, должна быть сосредоточена в руках центрального правительства.

Смерть Сунь Ятсена стимулировала внутриполитическую борьбу внутри Гоминьдана, схватки за лидерство в партии. Искренние патриоты связывали свои надежды с видным соратником Сунь Ятсена — Ляо Чжункаем. Правые называли Ляо Чжункая «скрытым коммунистом», угрожали расправой, и в конце концов нанятые ими убийцы привели угрозы в исполнение.

Среди наследников, способных претендовать на наивысший пост в партии, называли Ван Цзинвэя и главкома гуанчжоуской армии Сюй Чунчжи. К 1925 году Чан Кайши после командования военной офицерской школой Гоминьдана Вампу занимал в звании генерала влиятельные посты в правительстве Сунь Ятсена. В частности, он входил в Военный совет при ЦИК Гоминьдана, созданный для объединения командования войсками по настоянию В. К. Блюхера, руководившего группой советских военных советников. Чан Кайши, взвешивая свои шансы, понимал, что уступает главному сопернику в ораторском искусстве, в литературных способностях (Ван был известен как лучший публицист в партии), да и в артистизме. Ван Цзинвэй публично выступал за развитие связей с Советской Россией, считался даже левым, но проигрывал в главном: у него не было четких политических принципов.

Как же среди многих политических фигур выглядел Чан Кайши?

Он демонстрировал партии свои способности политического перевоплощения. То показывался перед аудиторией в гневе, то

являл образ милосердия. А за словами следовали дела и тайные интриги. Под арест по сфабрикованным обвинениям попали 17 военачальников, в которых Чан Кайши усмотрел своих потенциальных соперников.

Травля левых деятелей в собственной партии означала скрытый отход от политики единого фронта с коммунистами. Еще совсем недавно, в 1923 году, Чан Кайши был гостеприимно принят в Москве, и казалось, что с его визитом в Советскую Россию начался новый этап в развитии отношений РКП(б) с Гоминьданом, установленных Сунь Ятсеном. Но прошло всего четыре

года, и в деятельности Чан Кайши осталось мало общего с программой сотрудничества, намеченной в Москве.

Месяц от месяца крепла власть Чан Кайши. Он становился фактически полновластным главой Гоминьдана. Армия, полиция, все государственные и партийные учреждения находились практически в его непосредственном подчинении как главнокомандующего Национальной армией. Он контролировал финансы, арсенал, политический департамент, военную школу Вампу...

Но претендент в кресло диктатора не бросался в политические схватки сломя голову, а предпочитал продвигаться по ступенькам карьеры бесшумно, кошачьей походкой, тщательно высматривая добычу. Он не разделял взглядов коммунистов, ему были больше по душе великодержавные амбиции идеолога Гоминьдана Дай Цзитао. Ведь именно Дай проповедовал исключительность китайской нации, взывал к возрождению былого ее величия. Такого рода идеи полностью соответствовали властолюбивым замыслам Чана. Реальным средством как объединения страны, так и упрочения своей власти могла быть лишь армия, в организации которой принимали участие советские специалисты и китайские коммунисты. Чан Кайши вынужденно мирился с «полевением» Гоминьдана, что позволяло поддерживать в окружающих представление о нем как об искреннем сторонике концепции единого национально-революционного фронта. В едином антиимпериалистическом фронте, как предполагалось, должны были объединиться крестьяне, рабочие, радикальная интеллигенция, представители торгово-промышленных кругов, не связанных с иностранным капиталом.

30 мая 1925 года в Шанхае произошли события, положившие начало национальной революции 1925—1927 гг. Английская полиция расстреляла демонстрацию, требовавшую возвращения Китаю «экстерриториального сеттльмента», где распоряжались

англичане, опиравшиеся на местные милитаристские клики. После успеха Северного похода Национальная армия начала наступление на юг: прежде всего на Нанкин и Шанхай. В конце марта 1927 года части НРА вплотную подошли к Шанхаю. В городе вспыхнуло восстание под руководством коммунистов. Части Чан Кайши вошли в уже освобожденный город.

Чан Кайши продолжал тщательно маскироваться. Он охотно выступал на «приветственных» митингах, которые в конце концов заканчивались избиением левых. В то время как Главнокомандующий, расточая революционные лозунги, двигался с армией к Шанхаю, его ставленники обрушились на профсоюзных активистов, на всех, кто как-то симпатизировал левому крылу Гоминьдана. Жертв террора часто водили по улицам городов, подвергали издевательствам, а сопровождающие визгливо проклинали «красных». Чан славословил усилия рабочих в борьбе за свои права, а сам сразу же по прибытии в Шанхай стал опираться на подпольный мир города для подготовки решающего удара по противникам. 8 апреля Чан Кайши встретился со своими старыми друзьями — главарями тайных обществ, вожаками люмпенов Шанхая. Среди них были Хуан Цзинжун, Чжао Сяолинь, известный король наркоманов, главарь гангстерского общества «Зеленых» Ду Юэщэн. Речь шла, помимо прочего, о создании специальных отрядов «защитников Цзяна (Чан Кайши)». Головорезам из этих отрядов вменялось выявлять и ликвидировать вожаков левого движения, коммунистов.

Чан Кайши давал обещания защитить рабочие отряды и профсоюзы и даже преподнес командованию дружин вымпел с надписью «В честь совместной борьбы». А в это время хорошо вооруженные отряды тайных обществ стали нападать на рабочие пикеты. Началась охота на людей. Стрельба не останавливалась в течение трех недель. Бай Чунси, начальник штаба Чан Кайши, издал прокламацию: виновные в организации забастовок в Шанхае подлежат строгому наказанию. Появление войск Чана сопровождалось еще большим кровопролитием. Погибло несколько тысяч рабочих, большинство из них встретили мученическую смерть в застенках. Чжоу Эньлай — один из активных деятелей ЦИК — сумел скрыться. Несколько минут промедления стоили бы ему жизни.

Шанхайские банкиры и промышленники не сумели, однако, удовлетворить возросшие аппетиты Чан Кайши. Гоминьдановские генералы, развращенные финансовыми подачками шанхайских бизнесменов, полагали, что роль палачей заслуживает большей платы.

Когда попытки Чан Кайши миром заполучить от шанхайских капиталистов нужную ему финансовую помощь закончились безрезультатно, гоминьдановский лидер обратился за содействием к шанхайскому подпольному миру. Как нельзя кстати пригодились услуги гангстеров из общества «Зеленых», объединявшего до 100 000 преступников. Люди из уголовного братства предпочитали действие уговорам: острие террора направлялось теперь не только против профсоюзов, но и против капиталистов. Похищали родственников воротил шанхайского бизнеса, за них взимались в виде выкупа огромные суммы денег. Прямое уголовное насилие позволило Чан Кайши заполучить около 50 миллионов долларов.

Во власти насилия, необузданного террора разъяренной военщины оказались провинции Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхой. В Чанша, где в своей речи Чан Кайши, казалось, еще совсем недавно восславлял лозунг «мировой революции» и где была довольно активна организация КПК, начались аресты и облавы. Местный армейский командующий приказал схватить 100 агитаторов и расстрелять их. Некоторым случайно удалось спастись. Среди них был Лю Шаоци.

Политическое движение, нацеленное против сепаратизма местных милитаристов, иностранного вмешательства во внутренние дела страны, объективно служило силой, которая вела Чан Кайши к вершинам власти в партии и государстве. Он приспосабливался, проявляя самые изощренные лисьи повадки, к потребностям современной ему политической жизни, взывал, когда чувствовал необходимым, к идеям мировой революции, столь полюбившимся радикалам из ВКП(б) и их сторонникам в революционном движении Китая. Но во время Шанхайского переворота сбросил маску, обрушившись на представителей левого движения.

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Не менее сложной проблемой, нежели политические, стала для Чан Кайши женитьба на дочери Чарльза Суна — одного из просвещенных деловых людей того времени — и свояченице Сунь Ятсена. Женитьба открывала для Чан Кайши заветные двери в салоны заправил финансового и промышленного мира Запада.

Сун Мэйлин блистала в высшем свете Шанхая. Она отличалась подвижностью, одухотворенностью, привлекательностью, ее расположения добивалась толпа нетерпеливых и настойчивых поклонников.

Впервые Чан Кайши встретил Мэйлин в доме жены Сунь Ятсена — Цинлин. Чан Кайши завязал с Мэй переписку, а вскоре и поделился с Сунь Ятсеном своими планами на женитьбу. Совет старшего соратника не внушал особого оптимизма — Сунь Ятсен просил не форсировать события. Сун Цинлин, услышав от супруга новость о намерении Чан Кайши просить руки ее сестры, реагировала довольно жестко. «Я предпочту увидеть Мэйлин мертвой,— заявила она,— нежели замужем за Чан Кайши».

Мать Сун Мэйлин, находясь во власти слухов о личной жизни жениха, колебалась довольно долго. Много было толков о последней женитьбе претендента на руку ее двадцатишестилетней дочери. Предшественницы Сун Мэйлин принадлежали к различным слоям общества. В первый брак Чан Кайши вступил в 15 лет, подчинившись родительской воле, привел в дом провинциальную девушку. От этого союза, который вскоре распался, остался сын — Цзян Цзинго. Вторую жену Чан нашел среди шанхайских красавиц, известных своей стойкой приверженностью к самой древней в мире профессии. Природа наделила его избранницу— Чэнь Цзиюй и красотой, и умом, но и этот союз оказался недолговечным. Суровый и голый прагматизм определил новую веху в жизни Чан Кайши. Он действовал в полном взаимопонимании со своим давнишним покровителем, предводителем гангстерского «общества Зеленых» Ду Юэшэном. «Общество Зеленых» довольно элегантным способом освободило Чан Кайши от его второй жены, отправив ее в США. Изгнанница получила степень доктора при Колумбийском университете, приобрела дом недалеко от Сан-Франциско.

Чан Кайши выложил в доме Сунов на стол документальные доказательства развода. Однако у родителей невесты оставались сомнения: готов ли Чан Кайши стать христианином? Сумеет ли он побороть влияние сатаны? Ведь все его прежние увлечения — женщины легкого поведения! Чан Кайши отвечал, не колеблясь:

«Да! Да! Он готов сделать все, готов изучать Библию, быть прилежным христианином». Мадам Сун сдалась. 26 ноября в шанхайских газетах появилось уведомление о предстоящей женитьбе Чан Кайши.

«С настбящего времени,— провозгласил Чан,— мы оба полны решимости отдать все, что в наших силах, делу Китайской революции». Обещание ко многому обязывало.

Во время бракосочетания своей сестры вдова Сунь Ятсена Цинлин, как и сын Чан Кайши — Цзян Цзинго, находилась в Советском Союзе. Сестра жены Чан Кайши и его родной сын осудили переворот в Шанхае, жестокое отношение гоминьдановцев к представителям КПК, профсоюзного движения.

Чета Чан Кайши переехала в Нанкин, где глава новой семьи стал лидером нового гоминьдановского правительства. Мэйлин, выступая в роли первой леди, посылает сестре депешу с просьбой возвратиться из Москвы, содействовать росту авторитета гоминьдановского режима... Но Цинлин отвечает отказом.

Нанкин не отличался благоприятными климатическими условиями — слишком холодно было зимой и весьма влажно весной, летом. Окутанный туманом, переполненный город, где люди трудились в невероятно тяжелых условиях, предполагалось утвердить в качестве столицы чанкайшистского Китая. Правительственные чиновники перебивались в непривычном для них жилье, ожидая улучшения условий жизни, жены офицеров отказывались покидать насиженные места ради неясной перспективы в карьере их мужей в Нанкине. Они предпочитали апартаменты в современных районах Шанхая.

ИДЕОЛОГ

В сентябре 1933 года Чан Кайши говорил о милитаризме как об одном из основных элементов фашизма. А уже через год на вопрос, в чем нуждается Китай, он заявит: «это милитаризация жизни народа всей страны».

Особое значение придавалось другому элементу — беспрекословной вере в лидера. Если конфуцианская книга «Цзя-юй» сравнивает отношения правителя с народом с отношением между всадником и лошадью, то Чан Кайши уподобляет Китай «пространству зыбкого песка», т.е. безмолвной пустыне.

19 февраля 1934 года на массовом митинге в Нанчане Чан Кайши призывает соотечественников начать «движение за новую жизнь». Выступая перед 50-тысячной толпой, он обращается к опыту Германии и Японии, к традиционным конфуцианским постулатам, к христианству. Гоминьдановцы стремились восстановить утерянный энтузиазм своих легионов, возродить дух преданности власти объединенного вокруг единых целей народа. Примеров для подражания можно было найти немало: опыт «великого дуче» в Италии, пробуждение сознания народа времен Ата-тюрка в Турции, когда антиимпериализм в этой стране становился основой борьбы против иностранной интервенции. Все эти примеры способствовали зарождению в умах у Чан Кайши и его советников амбициозных нововведений по преобразованию общества, морального усовершенствования нации.

Милитаризм в Китае, как и в любой другой стране, нуждался в националистическом, шовинистическом покрывале. Успехи в военной области в Германии, которая, казалось, еще совсем недавно испытывала горечь поражения, не могли не привлечь внимания гоминьдановского лидера. Да и в условиях развития японской агрессии опираться на японских советников и на японский военный опыт стало отнюдь не безопасно.

Чан Кайши, обращаясь к своим соотечественникам, вновь и вновь приводил пример возрождения ослабленной первой мировой войной Германии. Он отмечал энергию руководителей этой страны, их способность в короткие сроки ослабить бремя репараций, возложенное на них победителями.

«Но только ли Германия с ее спартанской дисциплиной является примером для Китая?» — следовал вопрос. Да, и Япония! Чан приводил в качестве эталона для Китая и эту страну, когда китайская земля стонала от японской агрессии. За внешними проявлениями милитаризации общественной жизни — чистота, простота, скромность и т. п.— скрывалось твердое

желание привести к единообразию и поведение, и мышление людей.

Родоначальник движения пропагандировал идеал поведения гражданина его государства, который регулярно чистит зубы, моет тело, содержит в чистоте одежду, воздерживается от алкоголя, употребления опиума, табака, занимается физическими упражнениями. Если в «старой жизни, — рассуждал Чан Кайши, обращаясь к слушателям,— вы могли где попало харкать, мочиться, разводить невероятную грязь и никогда не мести под кроватями, то в новой жизни с такими варварскими привычками следует покончить». Чан обращался к примерам из собственной жизни: «Каждый из вас должен понимать, что невозможно от рождения быть революционным вождем. Надо упорно трудиться, и каждый сможет быть таким, как я, жить такой жизнью, как я».

ХОЛОДНЫЙ И ЖЕСТОКИЙ ЧЕЛОВЕК

Внедряемые сверху «движение за новую жизнь», «движение за спасение нации» не могли компенсировать отсутствия объективных, цементирующих общество факторов гражданской жизни. Чан Кайши, спекулируя на интересах различных социальных сил в китайском обществе, пытался, как это нередко делали и другие лидеры на Востоке, решить политическими и идеологическими методами проблемы объединения страны. Военно-политические и идеологические методы могли вести к упрочению диктатуры, но в то же время и обостряли существующие в обществе противоречия.

В это время Чан Кайши все больше опирался на советскую помощь. Постепенно увеличивались ряды легиона советских добровольцев; советские пилоты прибывали из различных районов своей страны; в трудных условиях, сталкиваясь порой с непреодолимыми препятствиями, они перегоняли самолеты и необходимую технику через безлюдные монгольские степи. Для многих советских людей — советников в китайской авиации — подвиги в схватках с воздушным агрессором стали логическим продолжением их суровой борьбы с фашизмом и милитаризмом, которую они начали в Испании.

Чан Кайши, хотя и говорил публично о большой роли советских советников, на деле ограничивал их деятельность. Генералы, окружавшие генералиссимуса, были обеспокоены прежде всего своей личной судьбой, их заботили привилегии, которые они стремились во что бы то ни стало сохранить. Влияние же людей, приехавших из Советского Союза и воспитанных в духе иных человеческих ценностей, вызывало в их среде лишь подозрительность и недоверие. Но среди советских советников нашелся и такой, кому бонапартизм Чан Кайши пришелся по вкусу. Полковник Власов благословил издание плаката, на котором были запечатлены его собственное изображение и образ милитариста Ян Сишаня — вожди вели за собой войска в сражениях с японцами.

Претендент в полководцы был отозван. Да, это тот Власов, который, будучи уже генералом, перешел на службу к фашистскому рейху.

К 40-летию разгрома милитаристской Японии политическая академия ВМС Китая опубликовала материалы о советской помощи Китаю во время антияпонской войны. Согласно этим материалам, СССР с 1938 года по 1940 год предоставил Китаю кредиты на сумму 450 млн. долларов в виде оружия; с октября

1937 года по сентябрь 1939 года из СССР было поставлено в Китай 980 самолетов, более 80 танков и 1300 орудий. В Китай для подготовки китайских офицеров прибыло 3600 советских военных специалистов.

У генералиссимуса складывалась своя собственная система управления в партии и государстве. Он пользовался неограниченным правом диктовать свою волю. В верхах процветала братская порука, виднейшие представители режима не тонули, а оставались на поверхности, какие бы преступления ни числились за ними.

Американский генерал Стилуэлл, находившийся в Китае в годы войны на Тихом океане, признавал невозможность состязаться со сворой паразитов и подхалимов из окружения Чан Кайши. Генералиссимус не имел представления о том, что происходит. Он подписывал тысячи приказов, в ответ слышал лишь «есть», «есть» и никогда не ведал, что все же сделано.

В мрачных тонах описывал генерал политику гоминьдановцев, ведь это «банда головорезов» с одной лишь идеей обеспечить себя и своих приближенных вечной рентой. Деньги, влияние, накопление чинов, должностей — единственная забота лидеров, интриги, двойная игра, отчаянное желание урвать от других то; что плывет к ним в руки, главное желание — позволить другим сражаться на фронтах. В то же время повсюду фальшивая пропаганда их «героической борьбы», индифферентность «лидеров» к своему народу. Генералы проявляли, казалось, не превзойденные никем способности, когда исполняли перед начальством трусливую стойку на задних лапах, важно надувались перед подчиненными. Стоящие на вершине правительственной пирамиды вожаки говорили о долге, но своими практическими действиями демонстрировали примеры изощренного мошенничества, способствовали процветанию шарлатанов, скользких приспособленцев. И в низшем звене в партии и в администрации — молодая поросль — считали для себя более привлекательным следовать примерам, а не абстрактным призывам к долгу и справедливости. И все это имело место в условиях торжества колоссального невежества, неприкрытой глупости кадрового состава, полной неспособности сверху контролировать фракции и клики, обирающие народ.

Чан Кайши никогда не одобрял право на существование оппозиции, хотя бы в рамках, определяемых законом. Если он встречал сопротивление со стороны провинциальных правителей — будь то Ли Цзунжэнь, Фэн Юйсян, Ян Сишань или кто-либо другой,— то сразу же объявлял своих противников милитаристами, мыслящими феодальными категориями.

Генералиссимус доверял лишь своим родственникам и находящимся в большой зависимости от них высокопоставленным коррумпированным бюрократам. На парламент он смотрел как на инструмент в своих руках, годный для манипуляций во внутренней и внешней политике. Правительство становилось «личным» органом, конституция служила прежде всего обеспечению его, Чан Кайши, личной власти.

КРАХ

Со смешанным чувством встречал Чан Кайши приближающийся финал войны на Тихом океане, конец многолетней оккупации Японией значительной части территории Китая. Присутствовать в роли победителя в величайшей в истории битве с японским милитаризмом казалось весьма соблазнительным. Но как поведет себя Сталин после Ялтинской конференции, где были обозначены условия вступления Советского Союза в войну против Японии? Не будет ли это угрожать и без того ослабевшим за годы изнурительных схваток с внутренними и внешними врагами устоям гоминьдановской диктатуры? Настораживали рост авторитета КПК и, главное, сотрудничество между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Генералиссимус спешил. Летом 1945 года он включает своего сына — Цзян Цзинго — в состав правительственной делегации, направлявшейся во главе с министром иностранных дел гоминьдановского правительства Сун Цзывэнем в Москву. Цзян Цзинго, казалось, недавно вернулся из Советской России, куда его отправил еще в 20-х годах на учебу отец с надеждой использовать имя сына в своих политических играх. В прошлом комсомолец, член РКП(б) Цзян Цзинго, или Николай Владимирович Елизаров — псевдоним сына Чан Кайши в Советском Союзе, — заново проходил курс политической учебы, вспоминал азы этико-политического учения Конфуция, лежавшего в основе его воспитания в раннем детстве. Цзян Цзинго побывал в роли лидера молодежных организаций Гоминьдана, попробовал свои силы в административном аппарате на провинциальном уровне.

Делегация с полномочиями от Чан Кайши прибыла 30 июня 1945 года в Москву. А вскоре Цзян Цзинго получил от отца телеграмму. Чан Кайши просил сына повидать Сталина и попытаться лично поведать ему о позиции китайского правительства. Сталина не убедили рассуждения о нежелательности для Китая потери «куска территории». Камнем преткновения оказались и вопросы о КВЖД и ЮМЖД, Порт-Артуре и Дальнем и др. Чан Кайши пытался давить на американцев, надеясь, что Вашингтон сумеет заставить Москву отказаться от ялтинских договоренностей.

Американское командование советами и практическими действиями оказывало помощь Чан Кайши в осуществлении плана развязывания внутренней войны. Американские вооруженные силы активизировались в Китае, захватывая важные порты и коммуникации, втягивались в развернувшуюся

гражданскую войну между Гоминьданом и Коммунистической партией. Чан Кайши упорно отстаивал необходимость контроля над Северным Китаем. Только таким путем, настаивал он перед американцами, КПК будет вынуждена обратиться к политическим средствам решения проблемы. Генералиссимус дает задание сыну обратиться к Сталину с «просьбой» оказать гоминьдано-вским войскам помощь в установлении контроля в Маньчжурии. Но это был как раз тот случай, о котором довольно точно подмечено мудрыми соотечественниками Чан Кайши: слепой зажигает фонарь— зря переводит свечи. Усилия отца и сына оказались напрасными.

Паникующие министры устремились в резиденцию главы Гоминьдана — дворец Дай Пинь, что в центре Нанкина. Хозяин, невзирая на разваливающийся режим, стремился предстать перед подданными в роли национального лидера, который в конце концов приведет свой народ к «национальному спасению», гордо шагая по трупам своих'«коммуни-стических врагов». Подобная решимость могла подействовать теперь лишь на слишком уж легковерных. Осенью 1948 года Чан Кайши вынужден заговорить об отставке, о наследнике в качестве президента — Ли Цзунжене. Как глава Гоминьдана он сохранит за собой партийные рычаги. Позиция КПК влияла на обстановку в гоминьдано-вском лагере. Разве мог он, лидер Гоминьдана, спокойно слушать радио КПК? Диктор, выступавший от имени коммунистов, называл его «преступником номер один», «главарем гоминьдановской бандитской шайки, который продал национальные интересы правительству США».

Январь 1949 года стал для Чан Кайши, пожалуй, тем месяцем, когда даже верные его соратники вынуждены были признать крах своей политики. Обращения генералиссимуса к великим державам с просьбой повлиять на развитие событий в Китае, ограничить действия КПК успеха не приносили. Правительство доказывало свою недееспособность, политическая мысль в гоминьда-новском Китае дышала на ладан. Несмотря на разжигание чанкайшистами ненависти к КПК, в рядах милитаристов появились генералы, решившие порвать с Чан Кайши.

Генералиссимус готовился к переезду на Тайвань — туда перебрасывались авиация, соединения ВМС, часть дивизий, возглавляемых верными диктатору генералами, также двигалась к Тайваню. На остров перебазировались войска численностью до 300 ООО человек. Туда же направлялись приходившие из США суда, американская военная помощь.

В ночь с 20 на 21 апреля НОАК после артиллерийской

подготовки приступила к форсированию Янцзы. Надежды на переговоры исчезли, когда десятки тысяч лодок и джонок с солдатами НОАК устремились к южному берегу Янцзы. Гоминьдановская оборона дрогнула. 23 апреля 1949 года гоминьдановцы оставили Нанкин.

С удивлением смотрели жители города, как, соблюдая дисциплину и порядок, проходили по улицам отряды НОАК. В городе еще кровоточили раны от безумных оргий времен японской оккупации, горожане еще не оправились от слишком тяжкого «освобождения» гоминьдановской армией, оставившей за собой след насилий, грабежей. Население Нанкина, которое за военное лихолетье испытало, казалось, все муки ада, вздохнуло свободно. Поддерживать порядок на улицах бывшей столицы оказалось не так-то просто. Командующий фронтом маршал Лю Бочэн, встретившись вскоре после взятия Нанкина с советскими дипломатами, рассказывал об одной из наиболее трудных для него задач — удержать солдат НОАК от расправы над находившимися здесь американцами.

Драма приближалась к развязке.

1 октября 1949 года Мао Цзэдун объявляет о создании Китайской Народной Республики. Правительство заявило, что оно является единственно законным правительством, представляющим весь народ Китая.

Чан Кайши теряет связи с материком. 10 октября в своем послании изгнанник клеймит «советскую агрессию» в Китае и объявляет о решимости бороться до конца. Цзян Цзинго получил от отца теперь более ответственное, нежели это было ранее, дело: контролировать гоминьдановских либералов, которые могли помышлять о Тайване как о «втором» Китае, либо подопечной территории, или независимом статусе. Шаг за шагом по мере реорганизации армии, партии и администрации на Тайване укреплялись позиции генерала Цзян Цзинго. Он становился ведущей фигурой во всех сферах деятельности. Генералиссимус оставлял за собой верховную власть в армии. Чан Кайши в качестве партийного лидера стремился представить армию как контролирующую администрацию силу, как президент он обладал диктаторскими полномочиями, особенно во время кризиса и войны.

Чан Кайши ушел из жизни в 1975 году, передав бразды правления на Тайване своему сыну. К этому времени у Цзян Цзинго был накоплен уже довольно солидный опыт: он побывал в роли главы политического департамента в армии и члена ЦИК, министра обороны.

Со смертью Цзян Цзинго в 1988 году наступил конец

правления династии Чан Кайши на Тайване. Вместе с уходом с арены политической жизни семьи Чан Кайши начали медленно отступать стереотипы, возросшие на почве горячей и холодной войны, долгие годы цементировавшие стену отчужденности между двумя сторонами Тайваньского пролива.

Родина 1989 07, с 65-70